

Вадим Осин, Анжела Зеленски, Сергей Шуляк

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:

**политический режим, научная степень,
идеология и карьера в Украине и Молдове**

Европейский гуманитарный университет

Вильнюс
2014

УДК 378:35.08
ББК 74.58:67.401г
073

Рекомендовано:
Научным советом ЕГУ (протокол № 53-35 от 4.03.2014 г.)

Авторский коллектив:
Осин Вадим, Зеленски Анжела, Шуляк Сергей

Рецензенты:
Ващенко В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины
Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара;
Маляренко Т.А., доктор наук по государственному управлению,
профессор Донецкого государственного университета управления

073 В. Осин [и др.]
Власть и знание на постсоветском пространстве: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 376 с.

ISBN 978-9955-773-82-5.

Коллективная монография посвящена выявлению различных паттернов власти-знания в Украине и Молдове. Одним из искомым паттернов является получение научных степеней различными группами чиновников и других представителей не-вузовской среды в Украине и Молдове. Это позволяет выделить особый и все более масштабный феномен *неопатримониальной* науки. Центром другого паттерна власти-знания выступают постсоветские политологи, не относящиеся к *неопатримониальной* науке: прослеживается, какие ситуационные факторы влияют на ряд значимых элементов дисциплинарной жизни, от идеологической идентификации до выбора тематики исследований. Монография написана на основании широкого круга данных, для получения и/или категоризации которых применялись методы опроса, интервью, контент-анализа и многомерного статистического анализа.

УДК 378:35.08
ББК 74.58:67.401г

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-82-5

© Коллектив авторов, 2014
© Европейский гуманитарный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Введение (<i>Осин В., Зеленски А., Шуляк С.</i>).....	7
§ 1. Обманчивость консенсуса в политике знания: различные опыты – несоизмеримые результаты.....	8
§ 2. Политика знания и постсоветская Академия: поиск точек пересечения через фальсификацию.....	14
§ 3. Структура монографии: эпистемология и методология	19
§ 4. Заключительные замечания.....	25
Глава I. Академия и политический режим: неопатримониальная наука в Украине (и Молдове) (<i>Осин В.</i>).....	27
§ 1. Чиновники и (политическая) наука в Украине: «слепое пятно» западных и отечественных теорий.....	27
§ 2. Сервильность интеллигенции, недоверие власти и освоение нового рынка сертификатов	33
§ 3. Неопатримониализм и неопатримониальная наука в Украине: основные положения	44
§ 4. Неопатримониализм и неопатримониальная наука в Украине: гипотезы и операционализация.....	50
§ 5. Украинские губернаторы и руководители legislatures в науке: описание исследования	54
§ 6. Неопатримониальная наука в Украине: накопление (научного капитала) через (административное) управление	57
§ 7. Неопатримониальная наука в Украине: атипичные карьеры чиновников	63
§ 8. Неопатримониальная наука в Украине: приватизация и капитализация.....	74
§ 9. Неопатримониальная наука в Украине: место защит и работы в контексте властных гамбитов	81
§ 10. Неопатримониальная наука в Украине: темпоральная динамика.....	89
§ 11. Aggrandizers при неопатримониализме: мотивация украинских чиновников	91
§ 12. Неопатримониальная наука в Украине: предварительные выводы и определение	104
§ 13. Патримониальность и патриархат в социальных науках Украины и Молдовы	108

§ 14. Неопатримониальный патриархат социальных наук в Украине и Молдове	113
§ 15. Возникновение дисциплин и неопатримониальная бюрократия: государственное управление vs. социологии	122
§ 16. Неопатримониальная наука: масштабный сбой в системе или знак грядущих изменений?	126
Глава II. Политика, мотивация, идеология и профессия: типология академических карьер украинских политологов (Осин В.)	
§ 1. Личность, профессия (и политика): шесть контекстов	135
§ 2. Способности, мотивация и ситуационные факторы: разрушение унитарности профессионального выбора	145
§ 3. Внутренняя мотивация: основные положения	149
§ 4. Внутренняя мотивация украинских политологов: автономия и компетентность	152
§ 5. Внутренняя мотивация украинских политологов: идеологическая идентификация и профессиональные интересы	159
§ 6. Внутренняя мотивация украинских политологов: конструирование априорного импульса и ситуационные факторы исследовательской повестки дня	167
§ 7. Внешняя мотивация: основные положения и проблемы операционализации	183
§ 8. Интегрированная регуляция «практиков»: выбор специальности, профессии и темы диссертации	187
§ 9. Интегрированная регуляция «практиков»: «В один момент мы все проснулись и стали политологами»	199
§ 10. Интегрированная регуляция «практиков»: прошлое, идеология, цензура и образ политиков	206
§ 11. Мотивация, интересы и профессия в восприятии украинских политологов: случай внешней регуляции	213
§ 12. Академическая мотивация украинских политологов в теоретическом контексте	224
Глава III. Студенты-политологи Украины и Молдовы: идеология, наука, СМИ и логика Пограничья (Осин В.)	
§ 1. Идеологическая самоидентификация студентов-политологов Украины и Молдовы: общие тенденции	229
§ 2. Молодость, идеализм и протестные настроения: объяснения идеологических ориентаций студентов Украины и Молдовы	232
§ 3. Политика знания в регионах: классические тексты политологии в Харькове, Симферополе и Львове	237

§ 4. Политические ценности украинских и молдавских студентов-политологов: логика Пограничья	246
§ 5. Три актора Пограничья Центрально-Восточной Европы: неприятие, действие и неполное знание.....	252
§ 6. Детализация акторов Пограничья Центрально-Восточной Европы: еще раз о соотношении уровней.....	261
§ 7. Идеалы Пограничья Центрально-Восточной Европы: взгляд изнутри.....	271
§ 8. Стратегии акторов Пограничья ЦВЕ и представления студентов-политологов о курсе внешней политики Украины: триангуляция подходов.....	275
Глава IV. Политика знания политологических сообществ Молдовы (Зеленски А.).....	279
§ 1. Профессиональная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции.....	281
§ 2. Профессиональная самоидентификация студентов-политологов: определение уровня удовлетворенности качеством обучения, оценка и/или отношение к организации процесса образования по специальности	287
§ 3. Идеологическая и политическая самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции	294
§ 4. Идеологическая самоидентификация студентов-политологов: социальные ориентиры и/или предпочтения.....	306
§ 5. Этносоциальная и национально-культурная самоидентификация студентов-политологов: общие тенденции и особенности.....	310
§ 6. Влияние социально-этнических, религиозных и гендерных факторов на выбор специальности политолога.....	314
§ 7. Политические ориентиры молдавских политологов	321
§ 8. Стратегии молдавских политологов в становлении политологии как науки	324
§ 9. Участие в научной работе: состояние и перспективы развития	334
§ 10. Специфика и характерные особенности преподавательской и административной деятельности молдавских политологов.....	342
§ 11. Отношение и/или участие молдавских политологов в публичной деятельности	347
§ 12. Заключительные замечания	351
Литература.....	352

Благодарности

Прежде всего, мы благодарны нашим родным и близким, которые не только выступили в роли читателей и критиков, но также способствовали сбору и обработке эмпирического материала. Их действенная поддержка в моменты разочарований и упадка сил – это то, что в принципе невозможно оценить.

Владимир Ващенко своей иронией немало способствовал улучшению аргументации в части, касающейся неопатримониальной науки. Михаил Соколов проявил невероятную открытость, заинтересованность и готовность помочь. Антон Олейник также высказал ряд доброжелательных критических замечаний. Александр Фисун частыми онлайн-консультациями помог избежать неадекватных упрощений неопатримониальной теории. Оксана Форостина познакомила нас с принципом «less is more» и подсказала термин «оппортунист». Дмитрий Бочаров тактично удерживал нас от крайностей, присущих увлечению новым. Но, наверное, никто так не повлиял на нашу аргументацию по *неопатримониальной науке*, как Илья Герасимов. Мы также благодарны анонимным рецензентам Ab Imperio и Елене Гаповой за их комментарии и рекомендации. Неоценимую помощь при консультировании и проведении статистических расчетов оказали Юрий Святец и Сергей Шкрбец.

Елена Мурадян и, особенно, Юлия Биденко тщательно вычитали анкету, используемую в ходе опросов. Наталья Кутузова сделала все, чтобы проект охватил также и студентов из Минска, и в том, что в финальный вариант монографии эта часть не вошла, – исключительно наша вина. Мы также благодарны заведующим политологическими кафедрами Александру Фисуну, Николаю Полищуку, Валерии Денисенко и Сергею Юрченко, согласившихся на проведение опроса среди «вверенных» им студентов.

Last but not least. Этой книги не было бы без поддержки Центра перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE), Корпорации Карнеги и Американских Советов по международному образованию (ACTR/ACCELS). Особая благодарность в этой связи Павлу Терешковичу, Елене Матусевич и Наталье Тутановой. Людмила и Олег Малевичи, Александр Федута внесли неоценимый вклад в приведение монографии в читабельный вид.

ВВЕДЕНИЕ

Есть ли что-то общее между политиками, нефтью и порядочностью? Научная степень! С одной стороны, академический рынок «черных диссертаций» по степени прибыльности сравним с «нефтяной индустрией» [166, р. 46], а его основными «старателями» выступают выборные или назначаемые чиновники. С другой стороны, если политик свою научную степень получил не на «черном рынке», то он едва ли не автоматически удостоивается похвалы в честности и порядочности – по крайней мере, от лица себе подобных. Так поступил в апреле 2014 г. президент Беларуси Александр Лукашенко, суммируя свои впечатления об исполняющем обязанности президента Украины Александре Турчинове: «Очень честный и порядочный человек, религиозный, написал десятки книг, защитил докторскую диссертацию не за деньги».

В этой ситуации в концентрированном виде – вся суть произошедшего тектонического сдвига, касающегося основных игроков постсоветской Академии и их отношений с политической сферой. Все более определяющее положение занимают чиновники, честь и заслуги которых сомнительны, в то время как исконно академические исследователи (и студенты) постепенно образуют то, что медиевисты удачно назвали «безмолвствующим большинством» (хотя как «безмолвие» этого большинства не является тотальным, так и степень «большинства» нуждается в уточнении). Научные степени выступают предметом разнообразных актов покупки-продажи и дарения, но их стоимость и престижность мало страдают от эрозии ранее принятых стандартов присуждения. Власть и знание, политика и ученые, академия и чиновники, студенты и СМИ – эти

миры сегодня как никогда переплетены и одновременно атомизированы, но вместе с тем остаются предметом не исследования, а спекуляций.

Данной монографией, выполненной в перспективе политики знания, мы планируем в какой-то мере заполнить имеющиеся лакуны и добавить бит рефлексивности в ожесточенные дебаты, спровоцированные пониманием того, что «старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности¹, устаревает и будет выходить из употребления» [288, с. 18]. Академическую деятельность при этом мы воспринимаем в качестве пронизанной или даже структурированной прежде всего властными отношениями. Это соответствует тому, что М. Фуко и Д. Пелс назвали ницшеанским направлением «расколдовывания» научного мира, касающимся «политики и власти», в противовес марксистскому, имеющему отношение к экономике и капиталу [317, с. 11].

§ 1. Обманчивость консенсуса в политике знания: различные опыты – несоизмеримые результаты

Политика знания производит впечатление направления с довольно высоким уровнем консенсуса относительно базовых принципов. И если К. Манхейм еще использовал два вокабулярия – политики и экономики знания [317], склоняясь в целом к первому, то последующее поколение исследователей сделало связь между властью и знанием более очевидной как в теоретическом, так и в эмпирическом смысле. Афористически суть данного понимания политики знания выразил Б. Латур, для которого «наука есть не что иное, как продолжение политики иными средствами»² [285, с. 239]. «Техническое» определение дал С. Фуллер: «Эффективная политика знания заключается, в конечном счете, в осуществлении “риторики”, в полностью классическом способе использования слов, который позволяет людям приобретать новые роли в коллективе, которые становятся затем основанием организованного социального действия» [366, с. 429].

Между этими двумя полюсами располагаются все остальные представления. Они либо делают явным формальную сторону того, что содержалось в парафразе Клаузевица, как поступает К. Кнорр-Цетина, для которой поли-

¹ О сути образовательно-политической программы университета В. Гумбольдта см. [376].

² Этот тезис иллюстрируется им на примере деятельности Л. Пастера: «Пастер является в полном смысле политической фигурой. Он действительно становится обладателем одного из самых поразительных источников влияния. Кто еще может представить себя единственным полномочным представителем и властителем множества невидимых, опасных сил, способных нанести удар повсюду и полностью разрушить настоящее состояние общества?» [285, с. 228].

тика знания во многом сводится к способности завоевывать сторонников³. Либо же внимание акцентируется на принудительном аспекте политики-знания, что присуще авторам, работающим в рамках (пост)колониальной теории. В своем исследовании ориентализма Э. Саид указал на то, что тот есть «распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты» [333, с. 23–24]. То есть ориентализм является производной от способности Запада сделать Восток ориентальным, а потому «ориентализм является... важным измерением современной политико-интеллектуальной культуры, и в качестве такового имеет больше общего с “нашим” миром, нежели с Востоком» [333, с. 24]. И потому Г. Спивак ставила вопрос о том, «может ли угнетенный (subaltern) говорить?» [173].

Условное единство в понимании того, чем занимается политика знания, в значительной степени объясняется сближением (онтологических) трактовок знания и власти. Если раньше под властью, как отмечал М. Фуко, понимали «воздействия господства, связанные с существованием государства или с функционированием органов государственной власти» [362, с. 289], то сейчас речь идет о некоей капиллярной концепции. Это, говоря словами Н. Эллиаса, «аспект отношений, любых человеческих отношений» [381, с. 112], и производство знания выступает (всего лишь) еще одной сферой, где равно значимы и человеческие отношения, и пронизывающие их отношения власти. И поскольку власть теперь не локализуется в очень ограниченном количестве вещей (армия, полиция, правосудие и пр.), тем самым приобретая черты последних, так и знание теперь интерпретируется мультиматериально, как то, что обладает «способностью наделять своего владельца определенными возможностями» [365, с. 42]. И «отношения власти существуют... и проходят через множество других вещей» [362, с. 289], и «знание обладает также одной особой, метафизически интересной характеристикой, а именно способностью воплощаться самым различным образом» [365, с. 44]. «Подобное познается подобным», и этот тезис одной из старейших концепций истины можно приложить к взаимоотношениям власти и знания. Схожие онтологически, эти два феномена приобретают черты взаимопроницаемости и, как следствие, обратимости, на чем настаивал М. Фуко в своем стремлении «ослабить власть тотализирующего дискурса» [362, с. 290–291].

Подобное понимание становится все более распространенным, вследствие чего можно говорить о неких общих принципах политики знания,

³ «Истолкование определенного представления мира в принципе всегда является одновременно вопросом истины (соответствия, равнозначности) и вопросом политической стратегии, т. е. навязывания своего мнения и организации определенных последствий в сотрудничестве или соперничестве с другими» (цит. по [317, с. 30]).

проникающих даже в самые ординарные исследования. Речь может идти о «прописывании» в определенных курсах политики, в том числе и через непосредственное спонсирование, того, какие исследования необходимо проводить и как следует интерпретировать их результаты⁴ [93, р. 43–48; 72, р. 567]. Либо мы имеем дело с политизацией-через-деполитизацию, когда власть воплощается и реализуется, но при этом соответствующие субъекты воспринимаются не в качестве агентов власти, а как авторитетные институты, чьи рекомендации воспринимаются в качестве объективных и не подлежащих сомнению в политической ангажированности⁵ [72, р. 567–568].

Можно предположить, что политика знания характеризуется не только онтологическим сближением власти и знания, но и синергетическим эффектом. Соответствующая группа исследователей не просто заинтересована в прослеживании влияния политического контекста на становление особых научных практик. Их отличие от работ, распространенных в любой научной области⁶, заключается в активистской позиции, свойственной политике⁷. Те или иные типы знания исследуются на предмет того, чтобы добиться – в отдаленной перспективе – подробной детализации паттернов власти/знания, которая будет способствовать рационализации процесса принятия ре-

⁴ В качестве индикатора распространенности этого представления отметим встречающееся мимоходом указание в эмпирической работе на то, что политика знания «влечет за собой привилегии определенных способов знания через связи между производителями знания и другими носителями власти или влияния» [84, р. 3].

⁵ М. Фуко в беседе с Ж. Делезом относительно пересечения власти и знания в тюрьме указал, что «именно это в тюрьме и восхищает: на сей раз власть перестает скрываться и маскироваться, а предстает как тирания, которая, будучи сама цинично доведена до самых мельчайших деталей, в то же самое время оказывается чистой и полностью “обоснованной”, потому что может всецело формулироваться внутри некоей морали, которая и обеспечивает рамки ее осуществления, и тогда ее грубое тиранство проявляется как беспристрастное господство Добра над Злом, порядка над беспорядком» [363, с. 72].

⁶ В политической науке существует множество работ, прослеживающих политическую историю дисциплины. Среди наиболее примечательных можно назвать ряд монографических [38; 146; 144] и коллективных трудов [137; 45; 128; 47]. Весьма интересны с этой точки зрения статьи М. Штайна [175], Дж. Трента и М. Штайна [184], Дж. Лека [99], Р. Зейдельмана [160] и Дж. Ховарда [75]. Также находит отражение практика политически интерпретировать концептуальные изменения в использовании таких понятий, как «конституция», «демократия», «коррупция» и т. п. [79]. Из самых интересных работ, касающихся социальных наук в целом и в которых научное знание ставится в зависимость от социально-политического контекста, стоит отметить прекрасные монографии Д. Блура [20] и Ф. Рингера [327], а также ряд релевантных сборников [13; 48; 307] и статей, включая исследование М. Куша, посвященное генезису философии [283].

⁷ «Политика знания отличается от обычной политики науки признанием того, что политика всегда должна проводиться, даже когда ее статус-кво устойчив» [366, с. 427].

шений. Это касается не всех исследователей, но, насколько можно судить, именно эта возможность вдохновляла подавляющее большинство тех, кто стоял у истоков различных направлений политики знания⁸.

Однако степень согласия исследователей относительно основополагающих принципов политики знания представляет собой скорее декларацию о намерениях. Например, если взять ряд последних (коллективных) монографий⁹, то все они содержат отсылку к «политике знания» как в названии всей работы, так и в названиях отдельных структурных частей. Но в самих работах отсутствует какое-либо строгое определение политики знания, могущее дать представление, от каких именно базовых посылок отталкиваются авторы¹⁰.

Текстуальная реконструкция выявляет разнообразие трактовок политики знания, едва ли сводимое к общему знаменателю. Для О. Сафи политика знания предполагает взаимное пересечение политической идеологии и религиозного исследования [153, р. xxiii]. С. Амслер отталкивается от того, что политика знания предусматривает изучение структуры Академии, деятельность, которая протекает или не протекает в ее рамках, борьбу и успех социальных исследователей, эпистемологические дебаты, а также роль организованного знания в социальных изменениях [5, р. 33]. М. Эппл связывает политику знания как с ростом производства легитимного знания в школе и обществе, так и с ответом на вопрос, касающийся того, какое именно знание можно считать наиболее ценным [7, р. 7]. Для С. Фуллера «политика знания критически исследует поддержание институциональной инерции: почему исследовательские приоритеты не сменяются чаще и радикальнее? Почему проблемы возникают в одних контекстах, а не в других и почему борьба за ресурсы сосредотачивается, в основном, в пределах дисциплины,

⁸ Это очевидно в случае с (пост)колониальной перспективой, где во многих работах встречаются призывы деколонизировать университеты, социальные науки и тому подобные академические материи. Надежда на то, что политика знания поможет снизить риски в обществе риска, отчетливо видна и в ряде работ, сфокусированных на актуальных социальных проблемах [22; 56].

⁹ Например: «Общество знания vs экономики, построенной на знании: знание, власть и политика» [91], «Власть на практике: обучение взрослых и борьба за знание и власть в обществе» [131], «Политика образовательных инноваций в развивающихся странах. Анализ знания и власти» [130], «Политика культурного знания» [129], «Государство и политика знания» [174], «Политика медицинского знания» [134], «Политика знания в домодерном исламе» (О. Сафи) [153], «Политика знания в Центральной Азии» (С. Амслер) [5], «Граждане, эксперты и окружающая среда. Политика локального знания» (Ф. Фишер) [56].

¹⁰ Из переведенных в последнее время работ особого внимания заслуживают «Социология под вопросом» [345], в частности статья В. Каради [265], «Символическая власть: социальные науки и политика» [337] и «Знание: собственность и власть» [257].

а не между дисциплинами?» [366, с. 428]. Э. Саид политику знания рассматривает как изучение взаимосвязи современной культуры и империализма, конституированной, в свою очередь, политикой идентичности [154].

Дело не в издержках использования (самоочевидных) понятий «власти» и «знания», о чем предупреждал Б. Латур [286, с. 121], а в том, что жизнеспособность политики знания изначально связывалась с *непосредственностью* и *различностью* опытов взаимодействия власти и знания. Характер подобной зависимости во многом напоминает ситуацию с теорией мотивации¹¹: и в том и в другом случае мы сталкиваемся с тем, что эмпирический материал способствует формулированию таких теорий исследуемых феноменов, которые допускают согласование и синтез на предельном и, следовательно, во многом бессмысленном уровне абстрагирования.

Скажем, если обратиться к политике знания западной Академии *в целом*, то своеобразным исходным пунктом выступает положение ее разобщенности [96] и с течением времени акцент на ее политическом основании лишь усиливается¹² [147]. Это открывает возможность для разнообразных «исследовательских игр», конституированных различным доступом к ресурсам и финансированию. В конечном итоге можно наблюдать оруэлловскую ситуацию, когда «все университеты равны, но некоторые равнее других» [103, р. 3]. Соответственно, растет внимание к политической подоплеке таких аспектов академической иерархии, как, например, прием на работу и увольнение, к сути академических свобод¹³ [26], в том числе выявляемых ретроспективно на основании исторических кейс-стади [6; 64]. Обратной стороной подобного ракурса можно полагать исследования, направленные на выяснение того, что является основой Академии: преподавание, исследование или служба [105; 168]. Тесная связь науки и политики своим последствием также имеет повышенное внимание к степени ангажированности той или иной дисциплины и ее зависимости от истеблишмента, как показано в монографиях Р. Чилкота и Дж. Сакса [370, с. 37–85; 334, с. 161–163].

При всей своей значимости эти работы показывают, что приоритет все более отдается разработке эзотерических проблем, отсылающих к парадигме, сформированной культурным опытом «западного мира». Именно в этом контексте можно рассуждать о долгосрочном планировании, позволяя-

¹¹ «С известной долей уверенности можно утверждать, что каждой области человеческой деятельности соответствует своя теория мотивации» [292, с. 55].

¹² Мы отвлекаемся от ряда исследований, посвященных среднему [238] и высшему образованию [326; 269], в том числе и его коммерциализации [213].

¹³ Яркое описание этих и ряда других проблем академической жизни дано Ч. Вай-Фахом в его *жизненном путешествии* [29], и этническое происхождение автора только усиливает интерес.

ющем в обществе знания использовать все имеющиеся таланты [149], о влиянии глобализации на учебные программы [69], парадоксальном недостатке знания в обществах знания [179] или о функциях университетов в новых экономиках знания [8]. В то же время в развивающихся странах проблемы в основном касаются организации начальных школ, которые бы ликвидировали безграмотность [120], а также фокусируются на релевантной подготовке преподавателей [122]. Связь между глобализацией и производством знания, в частности в Африке [197], видится уже совершенно в другом ключе, предполагающем встроенность знания во властные отношения и отказ от его монолитного характера [155]. Теперь на повестке дня вопросы академической зависимости и интеллектуального колониализма [2]. Ученые прибегают к политическому категориальному аппарату, отсылающему к неравенству [52], патронатным отношениям [165, р. 44], отношениям центр/периферия – начиная с классической статьи Дж. Басалла [15] и заканчивая рядом более поздних исследований [155; 87]. Результатом этого становится не вопрос отражения в учебных программах и курсах некоего явления, а то, как взаимосвязано универсальное и локальное/коренное знания [156; 142; 194; 161], отношения между которыми далеки от согласия [110] и требуют уже новых подходов для своего описания [83].

Возможно, различия в содержательном плане еще более заметны, когда мы сравниваем положение очевидно дискриминируемых групп в рамках Академии. В качестве примера можно указать на женщин, статус которых в ряде профессий до сих пор описывается посредством ссылки на теорию патриархата¹⁴ [104, р. 124–156]. Из последних работ западной Академии стоит выделить эмоциональный рассказ («я использовала множество феминистических и артистических риторических стилей») С. Диллард об изменениях академической жизни афроамериканки, произошедших за последние три с лишним десятилетия [46]. Близким к нему является красноречивый сборник эссе «Мама, PhD» [106], в котором документируется то, что в Академии беременные женщины сталкиваются с вызовами и дискриминацией, которые не под силу решить в одиночку ни мужчине, ни женщине [106, р. xiii–xiv]. И это контрастирует с сильной поддержкой, которую оказывают женщинам-преподавателям на факультете.

Вместе с тем в работах, написанных на материалах иных, развивающихся стран, совершенно по-другому отражается и суть затрагиваемых проблем, и само положение женщин, и используемые при этом теоретические перспективы. Достаточно ознакомиться с проблемами женщин из

¹⁴ Это далеко не единственная дискриминируемая группа. Например, исследуются перспективы в Академии для людей с ограниченными возможностями [180]. Следует помнить также о ситуациях множественной дискриминации, когда проблемы гендера пересекаются с проблемами расы [85].

Пенджаба [115], Кении [192], Алжира [17], арабского мира в целом [28] или иммигрантов в западных странах [113]. Здесь речь о том, что «эта¹⁵ война уже выиграна» [147, р. 119], вообще не идет. Положение женщин в Академии отнюдь не таково, чтобы сокрушаться по поводу дисбаланса в поддержке со стороны администрации, который испытывают преподавательницы и беременные преподавательницы!

Таким образом, чем более точно и адекватно политика знания схватывает специфическую культурную конфигурацию власти и знания, тем меньше шансов на копирование используемого в том или ином случае алгоритма для исследования (потенциально) иных паттернов. Скажем, в западной Академии действительно существует довольно тесная взаимосвязь между политической наукой и политикой, но это не совсем релевантно для постсоветского пространства, и проведенные в рамках данного проекта интервью это показывают (глава II). Университеты являются политическими институтами во многом по причине значительного объема финансирования, но в подавляющем большинстве постсоветских вузов подобного не наблюдается¹⁶, а используемые стратегии распределения финансовых средств весьма далеки от традиционных моделей политики. Наконец, большинство проинтервьюированных преподавательниц выказывают скептицизм по отношению к гендерным проблемам, волнующим (афро)американских ученых¹⁷. Само игнорирование симптоматично, но на таком апофатическом основании тяжело построить обоснованную теорию.

§ 2. Политика знания и постсоветская Академия: поиск точек пересечения через фальсификацию

Таким образом, задумывая данный проект, мы изначально были насторожены в отношении применимости большинства (западных) теорий к изучению политики знания постсоветского пространства. Например, популярная теория Э. Эббота о механизме производства различия и сходства в социальных науках [1] постулирует тщательную проработку научных принципов, то есть, в терминологии автора, исследуемый процесс происходит скорее из синтаксиса дихотомий, нежели из их прагматики [1, р. 14]. Однако наблюдение С. Ушакина показывает, что постсоветские науки, как и все «закрытые структуры по производству знания, хорошо встроенные в местные системы обмена, воспроизводят себя не за счет циркуляции знания, а за счет

¹⁵ Война за пропорциональное представление мужчин и женщин в Академии.

¹⁶ Это мнение было оспорено А. Олейником в его работе, где концепция *underperformance*'а применяется к частному случаю российской Академии [311].

¹⁷ Представление о том, что движет постсоветскими исследовательницами, можно получить при обращении к [260, с. 282].

циркуляции людей. И мы знаем из антропологии, что в таких системах определяющим является не качество продукта, а лояльность членов системы» [352, с. 188]. И это сразу обедняет эвристический потенциал теоретических построений Э. Эббота, равно как и Р. Уайтли [196], сфокусированного на том, что современные дисциплины являются репутационными организациями с присущими им ориентациями на социальные цели, поддержание внутренних стандартов и т. п.¹⁸

Более привлекательными для нас были теории, эмпирический базис которых касался государств, в том или ином отношении напоминающих Украину и Молдову. В качестве примера можно привести теорию академической зависимости [2], часто используемую западными [5], и не только [375], исследователями для понимания постсоветской Академии. С. Алатас выделяет шесть признаков колониального режима производства знания: эксплуатация, опека, конформизм, вторичная роль ведущих интеллектуалов и академических ученых, рационализация цивилизационной миссии и низший талант исследователей из центра, специализирующихся на изучении колоний¹⁹ [2, с. 601].

В принципе, можно утверждать оправданность (пост)колониальной интерпретации развития (политической) науки в Украине и Молдове, ведь многие респонденты уверены в отсутствии значимых достижений национальной традиции, а также позитивно оценивают зарубежную политологию. А гранты и стажировки за рубежом оставляют у респондентов лишь положительные эмоции и восхищение. Формально наблюдается подлинная академическая колонизация: стажировки знакомят украинских исследователей с достижениями западной политологии, исподволь и не очень внушая мысль о ее «передовом» характере, «лидирующем» положении и «безусловной» связи с демократическим путем развития. Так проходит научная индоктринация, поскольку усваиваются исследовательская повестка дня, предпочтительные методы «сбора и анализа данных», риторические стратегии, задействованные при оформлении и продвижении полученных результатов. Прошедшие стажировки и/или приобщающиеся к образцам,

¹⁸ Похожие возражения можно выдвинуть как против сетевого подхода Р. Коллинза [276], так и против его попытки совместно с Дж. Бен-Дэвидом объяснить возникновение психологии социальными факторами [209]. Последние опыты применения сетевого подхода к постсоветским социальным наукам показывают, что теоретическая составляющая превалирует над эмпирической. В частности, комментируя один из полученных результатов, Г. В. Градосельская пишет: «Зная социальную историю российской социологии, можно сказать, что этот вывод тривиальный. В данном случае его можно расценивать как достаточно правдоподобный» [237, с. 252].

¹⁹ Мы не рассматриваем колонизацию посредством экспорта американоцентрических когнитивных установок и классификационных схем, что сделано в работе П. Бурдые и Л. Вакана [218].

сила которых увеличивается имеющимися медийными, финансовыми и организационными возможностями, становятся или должны стать агентами изменений. Кроме того, право на первую публикацию со стороны грантодателей или же вообще исключительное право на все полученные результаты позволяют проводить аналогии с отношениями между Центром (поставщик интеллектуальных технологий и администрирования) и колонией (поставщик сырья) – безотносительно к реальной ситуации, но касательно субъективного восприятия.

Однако против подобной интерпретации также можно выдвинуть ряд возражений, начинающихся с указания на ее отчетливо теологический характер. Даже если допустить, что кто-то из Центра преследует какие-то далекие души «колониаторские» цели, то это должен быть воистину ОН, чтобы столь искусно направлять ничего не подозревающих людей со своими целями к более высокой Цели, о которой те не имеют понятия. Не говоря уже о сомнениях в конспиративных способностях исследователей, предстающих в виде прагматичных, меркантильных, алчных и все просчитывающих агентов ЦРУ, Пентагона и ряда похожих организаций²⁰.

Следует также отметить, что установление колониальной зависимости напрямую зависит от инфраструктуры на местах. Необходимо воспитать квалифицированных работников, которые могли бы поставлять релевантные данные, а также создать им соответствующие условия. Но имеющиеся исследования высшего образования ряда посткоммунистических государств показывают утопичность любого подобного допущения – как в смысле общего контекста, так и в плане наличия²¹ потенциальных агентов перемен. Ни «академический мир государственных кафедр и факультетов», ни «противоположный ему во многих отношениях мир грантовой экономики» не приводят к созданию значимых профессиональных репутаций,

²⁰ Можно вспомнить историю, рассказанную Г. Алмондом, о неудачной попытке «сотрудничества» с мексиканским исследователем Пабло Гонзалесом Казановой [198, с. 32]. Усомниться в правдивости слов Г. Алмонда – это следовать тому, что К. Гинзбург удачно назвал «уликовой парадигмой» [233], поверить – пойти за Г. Оллпортом, который призывал доверять словам пациента, «если не доказано, что они не отражают реальности» (цит. по [292, с. 49]). Бывают риторические вопросы, но есть и риторические выборы.

²¹ М. Соколов на примере российских социологов показывает дифференцированность составляющих групп любой научной дисциплины. В частности, акторы грантовой экономики, на которых изначально возлагались большие надежды как на движителей дисциплинарного прогресса, характеризуются такими чертами, которые нивелируют весь их потенциал. Речь идет о пролетаризации, предпочтении «быстрой экономики», а также о селекции «теорий, методов и проблем, которые позволяют получать поддержку и дальше, но фактически исключают привлечение внимания к своей персоне» [341, с. 45–46].

интеграции с мировым сообществом, но продуцируют фрагментацию отечественной науки²² и выезд молодых ученых, прошедших стажировки, за границу, поставлять данные для которой они якобы были предназначены²³. Эффективность западных фондов в создании «лояльной рабочей силы» также не подтверждается выводами экспертов [341, с. 43; 268, с. 243].

В целом постколониальная перспектива, равно как и подавляющее большинство имеющихся подходов к производству знания, столь же верна, сколь в свое время была верна теория модернизации. Они работают только на том материале, который и актуализировал их появление. В противном случае они становятся, по Дж. Гилберту и М. Малкею, все более источниковыми и все менее – объектными [232]. То есть различные «символические продукты ученых» используются лишь «в качестве источников, которые социолог может различными способами монтировать, чтобы представить собственную версию того, “как это происходит в науке”» [232, с. 27].

Last but not least. Сказанное ранее не означает нашего нежелания связывать себя рамками *любой* теории. Но это должна быть перспектива, которая есть «не то, что тотализует, а то, что множит, и то, что множит»²⁴ [363, с. 70]. Нам была необходима теория, максимально чувствительная к различным опытам научного, поскольку мы предвосхищали виды научности, экзотические, аномальные и максимально гетерогенные, характерные для разных регионов постсоветского пространства. И она также должна была сочетаться с пониманием власти, присущим подавляющему большинству направлений в политике знания. С нашей точки зрения, таковой является концепция (научных) практик Дж. Роуза²⁵ [148].

Согласно Дж. Роузу, научные практики есть частный случай практик как таковых. Последние, в свою очередь, представляют собой «паттерны деятельности [возникающие] в ответ на некую ситуацию» [148, р. 26] или

²² Публикация Н. И. Даудриха демонстрирует этот ракурс проблемы с точки зрения тех или иных типов цитирования в российской социологии [243].

²³ Более сдержанный взгляд на эту проблему представлен в [273].

²⁴ М. Мид в похожем ключе описывала суть работы антрополога [300, с. 11–12].

²⁵ Логичным бы также выглядело соотнесение концептуальных координат данного проекта с теориями, касающимися постсоветских социальных наук. Тем более что существует ряд интересных концепций, например «бедной науки» М. Соколова [341], «провинциальной и туземной науки» М. Соколова и К. Титаева [342]. Результаты применения перспективных теорий к постсоветской Академии содержатся в публикациях С. Амслер [5], А. Олейника [121; 311], Е. Гаповой [227], В. А. Шнирельмана [377] и других авторов [344]. Все они в той или иной мере оказали влияние на наше исследование, что и отражено в соответствующих ссылках по тексту монографии. Досадным исключением выступает работа А. Олейника [121], с которой мы по причине ее недавнего выхода, почти совпавшего с публикацией данной монографии, успели лишь ознакомиться.

это «паттерны опосредованной ситуацией деятельности». Соответственно, как отмечает Ф. Ремедиос, Дж. Роуз и научные практики понимает не как действия людей (*doings of human agents*), а как значимые взаимодействия, в которых действия могут быть наделены смыслом. Его понятие «практик» не помещает в центр субъекта: «Агенты не одаряют мир значимыми паттернами», те, скорее, «появляются из паттернов взаимодействия с миром» [140, р. 450].

Власть и знание связаны постольку, поскольку оба эти феномена являются производными от столкновения людей с «миром». И то, и другое является «социальной расстановкой [сил]», когда один агент эффективно осуществляет власть по отношению к другому только в той степени, в которой действия других агентов соответствующим образом согласованы с действиями доминантного агента. То, что возникает в итоге, паттерны (наиболее) значимых взаимодействий, и наделяет смыслом те или иные действия, связанные с проведением в жизнь решений, касающихся ограниченных ресурсов или практик квалификации чего-то в качестве знания.

Из того, что «ни власть, ни знание не являются вещью, которой агенты или знающие (*agents or knowers*) владеют или которой они пользуются», следует нематериальная и антиэссенциалистская трактовка научного знания. Поскольку «власть и знание выступают в качестве динамичных, структурных характеристик ситуаций, в которых находятся агенты и знающие», то и «атрибуты знания предстают, таким образом, более схожими с характеристикой ситуации, в которой себя обнаруживает знающий, нежели с описанием чего-то, что они приобретают, чем владеют, что демонстрируют или обменивают» [140, р. 450].

Следует отказаться от восприятия научного знания как теоретически согласованного (образования), поскольку в основе его лежит постулирование (все скрепляющей) метафизической реальности. Научное знание не допускает (теоретически) согласованного видения, всегда являющегося производным от «объективности» или «естественности» существования вещи, характеристики которой предполагают унификацию восприятия. Отсюда целесообразно руководствоваться так называемой дефляционной концепцией истины, согласно которой существует широкий спектр образцов того, чем именно является социально конструируемое и связанное с определенными интересами научное знание. При этом отрицается, что разнообразие подчас несовместимых образцов научных практик коллективным образом конституируется в цельное образование. Достижение цели данного проекта предполагало выявление нескольких паттернов власти/знания, что и произошло в ходе исследования практик получения научных степеней чиновниками, идеологических самоидентификаций студентов, типов академических

карьер и т. п. В то же время их связность в качестве единого целого может быть предметом рефлексии только после проведения специального (и дополнительного) эмпирического исследования, и скорее всего – не одного.

§ 3. Структура монографии: эпистемология и методология

При описании структуры книги основной акцент сделан на методологических и эпистемологических аспектах, а в случае с главой I – на предыстории возникновения и разработки основных идей, что нам представляется необходимым.

В главе I, «**Академия и политический режим: неопатримониальная наука в Украине (и Молдове)**», мы обратились – довольно случайно, надо признать! – к практике получения научных степеней высокопоставленными чиновниками в Украине. Начало исследования этого феномена вызывало некоторое беспокойство с не вполне проясненной этиологией, которое, правда, не шло ни в какое сравнение с трудностями, что сопровождали поиск релевантной информации по чиновникам, свои посты занимавшим в самом начале обретения Украиной своей независимости. Но подлинная тревога была обусловлена изначальным непониманием того, что в данном случае движет зрелыми, облеченными властью и весьма небедными людьми, не имеющими к науке ни малейшего отношения.

Строго говоря, внезапно осознанное непонимание и было тем импульсом, который побудил нас обратиться к фактам получения степеней чиновниками, бизнесменами и т. п., то есть к тому, что для академических исследователей часто выглядело смущающим, достойным стыда и порицания, а также в целом нерелевантным фокусом внимания. Непосредственным поводом стала защита докторской диссертации по юридическим наукам М. М. Добкиным, в тот период являвшимся губернатором Харьковщины, а также готовящаяся защита по тем же наукам Г. А. Кернеса, сменившего М. М. Добкина на посту мэра Харькова. Благодаря известному видеоролику, в котором первый читает текст, «по-дебильному» написанный вторым, мы уже имели некое представление о биографиях этих двух харьковских политиков. И потому в момент, когда усвоение новости уже почти привело в действие механизм недоуменного пожимания плечами, мы внезапно осознали, что и М. М. Добкин, и Г. А. Кернес научные степени получали не столько после того, как состоялись в коммерческом и личном плане, сколько после того, как заняли крупные посты.

Это совпадение биографий, вызванное во многом случайными обстоятельствами, в дальнейшем сыграло парадоксальную роль. С одной стороны,

наличие сходства в действиях разных чиновников сразу же дало нам надежду – «радостное предвосхищение некоего гипотетического события» [181, р. 240] – на возможность описания устойчивых паттернов с их последующим индуктивным, «обоснованным» объяснением в стиле А. Страусса [346]. Ведь действия чиновников не укладывались ни в одну из существующих теорий, начиная от лично-ориентированной концепции А. Маслоу и заканчивая контекстно чувствительными теориями культурного и иного капитала. Они также отвергают здравый смысл, поскольку получение образования и научной степени в более чем зрелом возрасте и в условиях тотального неверия окружающих в их легитимность не оправдывается материальными, символическими и другими соображениями.

Таким образом, задумались мы над проблемой постольку, поскольку *post factum* осознали невозможность ее теоретического понимания. В рамках *политики* знания мы, наверно, не могли не отталкиваться от наблюдения М. Фуко, согласно которому «власть» (во французском языке) сродни глаголу «мочь». Данное суждение помогло нам подойти к формулированию теории, суть которой – в самом общем смысле – заключалась в связывании практики получения научных степеней чиновниками *исключительно с их возможностью это (с)делать*.

Свое внимание в главе I мы сфокусировали на председателях областных государственных администраций (220 человек) и председателях областных советов (184 человека) в 1991–2013 гг. Поиск релевантной информации в открытых источниках сопровождался определенными издержками, на примере которых также можно проследить связь политики и знания. Практически сразу после защиты докторской диссертации М. Добкина появился ее автореферат на сайте библиотеки имени Вернадского. Однако после Евромайдана и последовавших за ним событий автореферат исчез, равно как и упоминание о защите, и это, конечно, ставит на повестку дня вопросы не теоретического, а сугубо практического толка: считать М. Добкина все же кандидатом или таки доктором юридических наук? Впрочем, возможность его возвращения в политику как одного из представителей юго-востока Украины позволяет выдвинуть предположение об опять-появлении автореферата и снятии всех затруднений.

Результатом соответствующей структуризации «фактов» стала концепция *неопатримониальной науки*, под которой мы понимаем систему значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в своих основных чертах существенными характеристиками неопатримониального политического режима.

Во второй части главы I мы на основании разновидности структурного контент-анализа объявлений о защите диссертаций, регулярно публику-

емых соответствующими инстанциями Украины и Молдовы, развивали концепцию *неопатримониальной науки*. Это позволило нам выделить ее составляющие и измерения, в том числе гендерное. Мы также рассмотрели – в очень большом приближении, правда, – то, какие именно изменения в науке символизирует собой появление неопатримониальной науки на постсоветском пространстве.

Глава II монографии, «**Политика, мотивация, идеология и профессия: типология академических карьер украинских политологов**», написана на основании результатов интервью с профессорами и доцентами четырех политологических сообществ Украины и Молдовы. Понятие «политологическое сообщество», заимствованное из работы [97, р. 3; 95], означает в данном случае профессорско-преподавательский состав, обладающий степенью кандидата или доктора политических наук, Львовского национального университета имени Ивана Франко (ЛНУ), Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (ХНУ), Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (ТНУ) и Государственного университета Молдовы (ГУМ). Обращение к интервью обусловлено как ролью кандидатов и докторов наук в определении дальнейшего направления развития соответствующих политологических сообществ, так и необходимостью большего внимания к мотивационным аспектам.

При выборе информантов мы стремились заполучить, прежде всего, *ключевых* и *специальных* респондентов, представляющих информацию, касающуюся «стратегических проблем исследования» и «проблемы исследования» соответственно [329, с. 101]. Поиск *типичных* респондентов не входил в наши намерения по этическим соображениям. В целом мы стремились брать интервью у представителей профессорско-преподавательского состава указанных ранее вузов, которые являются обладателями научной степени кандидата или доктора политических наук. Однако в некоторых случаях нам пришлось отойти от этого правила, поскольку ряд *ключевых* и *специальных* информантов в силу ряда объективных причин либо имели научную степень по другой специальности, либо работали в другом вузе релевантного региона.

Проводимые нами интервью, безусловно, являются качественными, поскольку они в самом деле «нацелены на реконструкцию смысла и не строят репрезентативно обобщенных выводов» [329, с. 103]. В силу этого мы при определении объема необходимой выборки руководствовались известным принципом насыщения, «когда сбор новых данных не приносит дополнительно информации для исследовательского вопроса» [329, с. 103]. Наши предварительные исследования показали совместимость с выводами Гест с соавторами, согласно которым условная однородность респондентов приводит к тому, что «выборки из 6 интервью может быть достаточно, чтобы развить значимую тему и полезные интерпретации» (цит. по [329, с. 107]).

Соответственно, в ходе реализации данного проекта мы «с запасом» взяли 37 интервью, два из которых по техническим причинам были исключены из дальнейшего рассмотрения. Всего, таким образом, было проинтервьюировано 23 украинских политолога (по 8 респондентов из Харькова и Симферополя, 7 – из Львова) и 12 из Кишинева. Несмотря на то что большая часть респондентов согласилась на неанонимное интервью, мы все же решили при цитировании не раскрывать фамилий. Для обозначения респондентов мы использовали ряд символов. Первая буква является заглавной буквой того или иного политологического сообщества. Так, «Х» означает принадлежность к харьковскому, «Л» – к львовскому, «С» – к симферопольскому (крымскому), а «К» – к кишиневскому (молдавскому) политологическим сообществам соответственно. Вторая буква обозначает пол респондента, мужской («М») и женский («Ж»). Третья буква отсылает к научной степени: «К» – кандидатская и «Д» – докторская. Буква в скобках, соответственно, указывает на специальность, по которой была получена та или иная степень: «п» означает, что речь идет о «политических науках», «ф» – о философских, «и» – исторических, а «г/у» – о государственном управлении. Наконец, цифра, как правило, не несет особой смысловой нагрузки, обозначая преимущественно первенство в получении научной степени в рамках той или иной группы респондентов (кандидатов или докторов наук по соответствующей специальности). Следует иметь в виду, что в Молдове первая диссертация пишется на соискание научной степени доктора наук, что соответствует научной степени кандидата наук в Украине; вторая диссертация – на соискание степени «доктор хабилитат», что эквивалентно докторской степени в Украине. Все молдавские респонденты свои научные степени получали по политической науке (политологии).

Длительность интервью колебалась от 40 минут до 3,5 часа, но в среднем составляла около 1,5 часа. Каждое интервью записывалось на цифровой диктофон, о чем наши респонденты были проинформированы заранее. Места проведения интервью были самые различные – от кафедры и квартиры до кафе или парка; главным при этом были соображения удобства самих респондентов. Иногда не удавалось провести интервью «в один прием», вследствие чего организовывались дополнительные встречи.

В процессе интервьюирования авторы проекта старались воздерживаться от большого количества дополнительных вопросов, предпочитая в основном слушать. В крайнем случае задавались уточняющие вопросы, если информация, релевантная целям нашего исследования, не прозвучала при ответе на тот или иной вопрос, а также при получении новой и неожиданной информации. При попытках респондентов вовлечь нас в разговор мы стремились избегать высказывания собственной позиции. В ходе интервью мы с согласия респондентов делали пометки, а после каждого интервью

стремились как можно скорее записать впечатления, включая и собственные ошибки. В ряде случаев это приводило к переформулированию одних вопросов, исчезновению других и появлению третьих, а также к модификации стиля проведения интервью.

Установка на максимальное приближение к непосредственному предмету исследования обусловила также и довольно большой объем цитируемых фрагментов, что должно, по идее, облегчить процесс формулирования альтернативных объяснений и гипотез. Кроме того, стремясь сохранить и передать ощущение аутентичности и полифоничности, мы не пожелали приводить цитируемые фрагменты интервью в «читабельный» вид, полагая более важным передать живую речь информантов со всеми ее уникальными индивидуальными и региональными особенностями.

Те откровенность и доверие, которыми нас почтили респонденты, учитывая, что со многими из них мы до того не были даже знакомы, – поистине неоценимы. Но им можно только попытаться соответствовать – с той беспощадностью к себе, о которой говорил Ф. Ницше: «Всякое достижение, всякий шаг вперед в познании вытекают из мужества, из жестокости по отношению к себе, из чистоплотности по отношению к себе»²⁶.

Глава III, «Студенты-политологи Украины и Молдовы: идеология, наука, СМИ и логика Пограничья», посвящена выявлению идеологической самоидентификации студентов-политологов. Соответствующая анкета включала в себя более 80 вопросов, направленных на то, чтобы получить максимально полную информацию о классовых, гендерных, этнических, религиозных, идеологических, интеллектуальных и других аспектах жизни политологических сообществ Украины и Молдовы. За основу анкеты были взяты два опросника, использовавшиеся в двух последних исследованиях мнений членов американской Академии [96; 147]. Часть культурно обусловленных вопросов была удалена, часть переформулирована контекстно чувствительным образом. Были также добавлены несколько вопросов, задаваемых в ходе регулярных опросов Института социологии Национальной академии наук Украины, начало которых датируется 1992 г. Это позволяет сравнивать ответы студентов-политологов с ответами всего населения Украины, а также ее отдельных регионов.

Опросы студентов-политологов I–V курсов, обучающихся на бакалавров и специалистов, проводились в период с октября по декабрь 2012 г. в политологических сообществах Украины и в январе 2013 г. – в Кишиневе. В феврале 2013 г. были (дополнительно) опрошены студенты III–V курсов Львовского национального университета имени Ивана Франко.

²⁶ Частично именно в этом и заключается ответ на многие вопросы, свойственные (критическому) интервьюированию/исследованию [141], в том числе и на вопросы отчужденности от информантов, о чем писал Ф. Скратон [159].

Численность студентов-политологов была различной: 61 – в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина, 103 – в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского, 129 – во Львовском национальном университете имени Ивана Франко и 64 – в Государственном университете Молдовы. Всего было опрошено свыше 350 студентов; численность респондентов варьировалась от группы к группе, однако в целом она составляет примерно 80 % от общего количества.

В заключительной части главы III мы попытались обосновать зависимость внешнеполитических ориентаций студентов-политологов от логики, общей для всех акторов в пограничных государствах. Для этого мы провели контент-анализ двух газет, репрезентирующих законодательную и исполнительную ветви власти – «Голос Украины» и «Правительственный курьер» соответственно. Из множества разновидностей контент-анализа мы предпочитаем ориентироваться на ту, что связывает последний с количественным измерением. Так, *«количественный контент-анализ»* представляет собой систематическое и воспроизводимое исследование символов коммуникации, которым приписываются числовые значения в соответствии с правилами валидного измерения, и анализ взаимоотношений, включающих эти значения, с использованием статистических методов с тем, чтобы описать коммуникацию, получить выводы о ее значении или для получения из коммуникации выводов о ее контексте – как производства, так и потребления» [145, р. 19–20].

Контент-анализу подвергался каждый десятый номер «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» за период 1993–2011 гг., что в сумме дает около 1000 номеров. Данная выборка может рассматриваться в качестве случайной, поскольку номера выбирались не на основании прагматических соображений, а путем механического отбора. Кроме того, выборки номеров двух газет синхронизированы относительно друг друга, а соответственно, их содержание вполне сопоставимо. Наконец, количество статей, подпадающих под категориальную схему и насчитывающих свыше 180 единиц анализа, превышает показатель в 3300. При обработке данных контент-анализа использовался кластерный анализ (метод Варда), проведенный с помощью пакета соответствующих программ SPSS Statistics (17-я версия).

В конечном итоге мы осуществили триангуляцию двух подходов, поскольку показали комплементарность результатов одного исследования, базирующегося на одном методе (контент-анализ) и перспективе border studies, результатам, полученным с помощью другого метода (опрос).

Глава IV, **«Политика знания политологических сообществ Молдовы»**, написана А. Зеленски. В ней представлены результаты проведенных опросов студентов-политологов, а также альтернативная интерпретация того смысла, который молдавские академические политологи связывают

с собственной деятельностью. С методологической точки зрения эта глава мало чем отличается от разделов, написанных другими соавторами. В то же время информация, содержащаяся в анкетах и опросниках для интервью, в данном случае эксплицируется в максимальной степени в отличие от предыдущих проблемно-ориентированных глав.

§ 4. Заключительные замечания

В заключение следует сказать несколько слов о вкладе каждого участника проекта. По первоначальному замыслу, руководителем проекта В. В. Осиным определялись цели, основные направления исследования, разрабатывались анкеты и вопросники для проведения интервью. При этом каждый соавтор должен был провести сбор первичного эмпирического материала и написать соответствующий раздел монографии. Совместное обсуждение всей совокупности материалов было призвано стать стартовой позицией для написания окончательного текста монографии.

Однако ряд семейных обстоятельств привел к тому, что весь текст монографии был написан В. В. Осиным (за исключением главы IV, написанной А. Зеленски, и введения, написанного тремя соавторами), который несет, таким образом, всю ответственность за реализованный в работе способ видения политики знания. Сказанное, в частности, касается выбора проблем, на которых в конечном итоге остановились авторы проекта. Особое сожаление вызывает то, что не получили своего дальнейшего развития сюжеты, связанные с этническим и религиозным измерением постсоветской Академии, а также использование boundary-work подхода. Необходимость в применении последнего определяется тем, что «дисциплины являются политическими институтами, которые разграничивают области академической территории, распределяют привилегии и ответственность за компетенцию, а также структурные притязания на ресурсы» [66, р. 792]. Тем не менее выбор был сделан в пользу других тем, что, однако, имплицитно и необходимость, и возможность появления в будущем работ, заполняющих указанные выше лакуны.

Что касается конкретного вклада каждого соавтора, то он заключается в следующем. Руководителем данного проекта В. В. Осиным были реализованы следующие задачи: выполнен опрос студентов-политологов I–V курсов Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Львовского национального университета имени Ивана Франко, а также обработка полученных данных; проведено 15 интервью с профессорами и доцентами указанных вузов и осуществлена их расшифровка; собраны и обработаны данные, касающиеся практик получения научных степеней председателями областных государственных администраций и областных сове-

тов; осуществлен контент-анализ «Голоса Украины» и «Правительственного курьера» за 19 лет.

Последняя глава, посвященная молдавскому политологическому сообществу, написана А. Зеленски. Ею было организовано и проведено анкетирование и интервьюирование студентов Молдавского государственного университета, факультета международных отношений, политических и административных наук специальности «Политология». А. Зеленски провела обработку эмпирических данных и интерпретировала полученные результаты. Также проведено интервьюирование экспертной группы молдавских политологов сферы науки, инноваций и образования. Полученные данные были соответствующим образом проанализированы. Этот материал также послужил эмпирической базой экспертного анализа в основной части работы, где идет речь о Молдове.

С. В. Шуляк собрал данные, касающиеся почти семи тысяч объявлений о предстоящих защитах кандидатских и докторских диссертаций в Украине. Кроме того, он провел опрос студентов-политологов Таврического национального университета имени В. И. Вернадского I–V курсов, а также расшифровал интервью у восьми крымских политологов. К сожалению, по объективным и во многом не зависящим от него причинам С. В. Шуляк не смог сосредоточиться на написании соответствующей части монографии, что, впрочем, не помешало ему высказать ряд ценных замечаний относительно финального варианта текста монографии.

В целом реализация коллективного проекта, посвященного политике знания в Украине и Молдове, была сопряжена с немалыми трудностями. Однако все искупающим обстоятельством стала возможность плодотворного интеллектуального сотрудничества между соавторами данной монографии. Его конечным результатом и стал этот текст, выносимый – с некоторым беспокойством и вполне простительной гордостью – на суд Читателя.